

ВОКРУГ СВЕТА

1 1979
ЯНВАРЬ

12

Е. ФРОЛОВА,
наш спец. корр.

Оренбургский платок

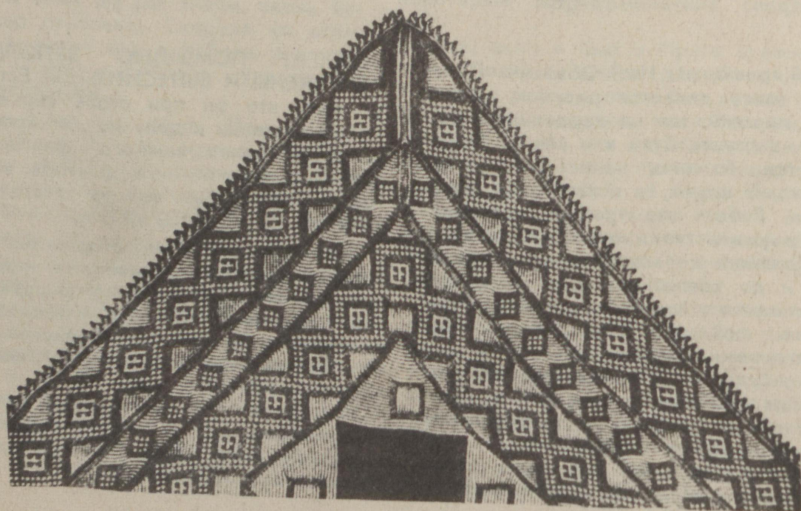
Не близок путь от Оренбурга до районного центра Саракташ, старинного «гнездовья» пуховязальщиц, и оттуда до села Желтого, где живут и работают известные мастера. Зимняя степь, как пуховый платок, стелется за окном автобуса, наводя на размышления об истоках оренбургского промысла и его истории.

...Одним из первых ученых, рассказавшим об оренбургском крае и его богатствах, был Петр Иванович Рычков. В 1762 году в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» появилась его статья «Топография Оренбургской губернии». Рычков описал жизнь степи и ее обитателей, серьезно заинтересовался козами, которые «около Яика, а особливо на Заяицкой степи табунами случаются и так резвы, что никакой собаке угнать невозможно». Ученый

ный побывал у чабанов, увидел образцы изделий из пуха и предложил наладить в крае пуховязальный промысел.

Уральских казаков, обосновавшихся в свое время на Яике, также не могла не привлечь одежда местного населения калмыков и казахов. В лютой стужу, когда даже русская шуба плохо держала тепло, скопировать гарцевали на своих низкорослых лошаденках в легкой одежде из козьих шкур войлока. «Как же они терпят такой холод?» — дивились казаки. Дивились до той поры, пока не узнали, что под легкими шапками и шерстяными штанами скрываются поддевки и шарфы, связанные из шелковистого пуха, вычесанного с коз. Стали казаки выменивать пух и изделия из пуха на чай и табак. У калмыков и казахов вязка изделий из пуха была «глухой». Уральские мастера, звавшие кружевными вышиванием, стали использовать в вязке растительный орнамент, живые мотивы природы. Под

ий треск лучин длинными зимними вечерами вязали они нежные шали и тонкие, как паутинки, белоснежные ажурные платки.

Оренбургская пуховая коза... На земле много пород коз, живущих почти во всех широтах. Белая безрогая швейцарская; маленькая аспидно-черная африканская; крупная грациозная, с белой шерстью ангорская; горбоносая грубошерстная нильская; безрогая, с белой длинной шерстью альпийская; серая молочная немецкая... Но у всех этих коз нет такого пуха, как у козы оренбургской.

Французский доктор Бернье, путешествовавший в 1664 году по Тибету, обратил внимание на прекрасные ткани и головные уборы из кашемира. Бернье заинтересовался, откуда берется сырье для этих теплых и легких изделий, и узнал, что это пух кашмирских коз. Доктор вспыхнул желанием развести таких коз во Франции. Но прошло немало лет, прежде чем французы начали осуществлять его идею. В 1818 году за кашмирскими козами отправился профессор-востоковед Жубер. По пути в Тибет он остановился в Одессе и узнал у местных предпринимателей, что между Оренбургом и Астраханью чабаны пасут пуховых коз, потомков кашмирских. Профессор Жубер исследовал пух оренбургской козы и нашел его намного лучше, чем у чистопородной тибетской. Жубер закупил 1300 коз. Эта огромная отара была пригнана на побережье Черного моря и на корабле отправлена в Марсель. Долгое плавание в тесных и душных трюмах выдержали только четыреста коз и всего несколько козлов. Оставшихся животных хохотали и берегли как заповедных зверей, но козы, увы, стали безнадежно терять свои выдающиеся «пуховые» качества и в течение нескольких лет превратились в грубошерстных. Не прижились они и на прекрасных лугах Англии и Латинской Америки. Стало ясно: для созревания пуха нужны климатические условия, такие, как в оренбургских степях.

Оренбургский пух и шали из него настолько славились во всем мире, что в начале XIX века английская фирма «Липнер» организовала крупное предприятие по выработке изделий «Имитация под Оренбург».

Село Желтое встретило меня морозом и солнцем. Голубоватые сугробы на обочинах широких параллельных улиц, аккуратно

подкрашенные хатки с синими ставнями, бурые отроги Уральских гор вдаль... Село старое, построено с размахом. Еще в 1825 году здесь был создан форпост казачества.

На одной из улиц — Почтовой — свежее выделанная хатка Шамсури Абдрафиковны Абдуллиной. Хозяйка, круглолицая, в домашнем фланелевом платье, усаживает меня за чашку чая, поинтересовавшись сначала, буду ли я пить по-местному, с молоком, или по-городскому. После чая Шамсури приглашает в горницу, садится за стол и, достав узелок с пухом, говорит:

— Первым делом из пуха надо выбрать волосы и другие заметные глазу примеси. — Развязав узелок, она отделяет небольшой клочок и предлагает мне проделать эту операцию.

Я тщательно рассматриваю на свет крохотный комочек пуха. Долго и упорно пытаюсь очистить его от мелких семян трав. Медленная и утомительная работа, которая и сто и двести лет назад выполнялась точно так же.

— Теперь надо сделать первый прочес на двухрядной гребенке. Сейчас я вам ее покажу. Нашей гребенке лет уж сто будет. И мама на ней чесала, и бабушка.

Деревянный угольник с острым стальным гребнем Шамсури приспособляет на колене и, положив немного пуха на гребень, протаскивает сквозь зубья тончайшие нити.

— При первом прочесе отделяются короткие волокна. Потом пух промываем в мыльной воде и сушим на воздухе. Сухой чистый пух прочесывается еще два-три раза, пока не появится блеск. Теперь можно начинать прядение. — Мастерница берет веретено в правую руку, а в левую — горсть уже готового пуха. Быстрыми движениями пальцев вращает веретено, и вот уже на нем растет холмик нежнейшей, тоньше волоса, пуховой нити.

— Пух спряден, но вязать еще нельзя, — поясняет мастерница. — Пуховую нить сматывают с тонкой нитью натурального шелка, одновременно скручивая для прочности. Вот тогда пряжа готова. — Шамсури разворачивает сверток с вязаньем. На колени лежит почти законченный ажурный платок.

— Вязу узкую тесьму из шестнадцати зубчиков, потом по длине тесьмы набираю четыреста петель, тут важно не ошибиться, иначе не выйдет рисунок. Да вот посмотрите сами. — Шамсури надевает очки, привычно прика-

БИОГРАФИЯ РЕМЕСЛА

лывает вязанье булавкой к своему платью — для ровности петель. Тонкие, короткие и острые как иглы спицы только мелькают в гибких пальцах. Вязет ли она простую платочную петлю или накид, уловить при этом невозможно.

— А откуда вы узоры берете? — интересуюсь я.

— Узоров много всяких — соты, глухотинка, кошачьи лапки... Каждая вязальщица знает их, издавна из рук в руки они передаются. Вот посмотрите: эти мелкие дырочки называются пшенки, а эти покрупнее — корольки, а цепочные дырочки — мышинные тропки, а тут косорядки. Круг у меня состоит из угольничков, пшенки, рыбок и косорядок, а кайма из снежинок и глухотинок. — Шамсури расправляет платок и показывает четыре одинаковых прямоугольника и в центре непохожий на них ромб. — Во время работы я мысленно делю платок на четыре одинаковые части. Расчет делаю в самом начале работы, а потом пальцы сами чувят, какие петли вязать и сколько их надо сделать в каждом ряду. Я ведь с семи лет вяжу. Сначала маме помогала, потом и сама стала «паутинки» вязать. Всех племянниц обучила, а у меня их семь. И как расчет новых рисунков делать, и как каждый узор проявлять, и чтобы спицы близко к глазам не держать, и нить не перекручивать при прядении. Такое наше ремесло. Очень домашнее оно. От потомства к потомству все лучшее передается. От матери — к дочери, от бабушки — к внучке. У нас в отделении двести вязальщиц, и все они своим мастерством делятся.

От быстрых и ловких движений рук Шамсури невозможно отвести глаз. На указательном пальце ее левой руки маленькая, как хрящик, мозоль. По этому месту много лет струится пуховая нить...

Провязав последние зубчики, мастерница затягивает петлю. Теперь платок надо выстирать, отбелить, обшить по зубчикам тесьмой и аккуратно натянуть на деревянную раму.

— Сколько же часов вы вязали эту «паутинку»?

— Когда быстрее вяжется, а когда тише. План у нас, работниц Оренбургского комбината, — сдать в месяц большой платок и палантин. Но у меня, бывает, и по два платка выходит.

Последний раз оглядываю чис-

тую горницу с высокой кроватью, множеством пышных подушек, красно-синих ковров и пестрых пологичков на светлом полу... Правду говорят, что хорошая мастерица плохо ничего делать не умеет.

Всю обратную дорогу, пока «газик» прыгает по обледенелым буграм проселочной дороги, я неотрывно смотрю на ровную и плоскую степь, на редкие, сизые, не сбросившие инея кустарники карагача и жимолости, на бархатные метелки не засыпанного снегом камыша. На обочине — следы заячьих набегов: две ямки покрупнее вместе и две поменьше врозь, а вот и лисичка пробежала, как машинкой прострочила. Видно, эти-то снежные равнины, крутые морозы да раздолбные степные песни помогли оренбургским мастерам-вязальщицам найти орнамент своего рукоделия, язык и ритм его.

Но славой своей оренбургский пуховый платок во многом обязан и многотрудному искусству козоводов. На Оренбуржье пять козоводческих совхозов, и самый большой из них в Губерлинских горах.

Соль-илецкий совхоз «Южный» раскинул свои угодья за Илеком, на самой границе с Казахстаном. Осталась позади солончаковая степь и колючие шары перекати-поля, загнанные настойчивым ветром в канавы. Миновали станицу Изобильную, переправляемся по деревянному мостику через Илек и въезжаем в центральную усадьбу совхоза — село Покровку.

С главным зоотехником Михаилом Павловичем Кутыревым идем по необычной, из одних кошар, улице села. Останавливаемся у «резиденции» чабана Ивана Григорьевича Якубенко. Длинный добротный сарай, двор, отгороженный от соседней кошары крепким забором, заполнен коричневатыми, с серыми подпа-

линками козами. Пахнет свежим сеном и степным ветром, двор застлан пшеничной соломой, и на золотистом фоне коричневые козы кажутся акварельными.

Большой румяный человек идет нам навстречу. Знакомимся, просим чабана рассказать о его работе.

— Коза — животное непривередливое в еде, — говорит Иван Григорьевич. — Но нельзя считать, что если большую часть года она пасется, то ее можно и не кормить. У нас чабаны так говорят: с худой козы и пух худой. Мы с женой кормим коз соломой, сеном, зерном, концентратами, едят они и ветки ивы, липы, вербы. Пух на козе растет и зреет сам, конечно, но и догляд чабана нужен. Оставь козу без соли — пух уже не тот; переела белковых — пух совсем захирел; опоздали козу чесать — пух перезрел.

Вот посмотрите, — Иван Григорьевич берет за рог ближайшую козу, которая пристально наблюдает за новым человеком в отаре, — пух закладывается в сентябре — ноябре. Видите, как он подрос?..

Я дотрагиваюсь до дымчато-шоколадной «одежды» козы и отдергиваю руку — животное вздрогнуло и резко боднулось. Чабан отпускает козу, и та сразу смешивается с отарой, через минуту я уже не могу отличить ее от остальных. У всех маленькие загнутые рога, крошечная бородка и челка. Спина прямая, немного приподнятая сзади, ноги крепкие.

Следующий наш визит к чабану Жумабаю Каражанову. Худенький, подвижный, с темным от неистребимого загара лицом, аксакал все пытается поудобнее устроить нас на скамейке.

— Дождь нужен, ветер нужен, мороз крепкий нужен, чтобы пух на козе хороший был, — рассказывает он хрипловатым от про-

студы голосом. — И еще честность в работе нужна, очень большая честность. Почему Каражанов сдал 145 килограммов пуха сверх плана? Я валуши два-три раза верну чесальщику тут, покажу, и тут оставил и заставляю вычесать все грамма... Пух чесать — дело трудное. Пытались заменить ручной гребень машиной — пока не вышло. И ныне работаем вручную. Норма — десять-двенадцать коз за смену. В совхозе тысяча коз, обработать их надо быстро в течение двух недель, не то пух перезреет. Чешем коз дважды в феврале и марте. Пух первочки самый ценный.

Поглажу овцу по спине, если пух в руке останется — не отложно чесать надо, — продолжает Жумабай Каражанов. Да и сама она знак подает, трясется о камни или кустарники. В теплую зиму линька наступает раньше, чем в холодную. Пух быстрее созревает у хорошо кормленных коз, у взрослых животных раньше, чем у молодых, у козлов позже, чем у маток... Вот, говорят, — замечает Каражанов, — ученые предлагают соорудить диспетчерские вышки, с которых пастухи с помощью приборов будут пастись отары и даже следить за состоянием здоровья животных. Но как бросишь отару? С какой вышки волка заметишь? Кто напоит жару? Кто ночью костер зажжет, ободрит?

Так и сказал: «ободрит», слово по речи шла о человеке.

Текут пуховые реки из совхозов в Оренбург, на комбинат фабрики пуховых платков. Там молодые работницы на станках с программным управлением ткают добротные серые платки и белые «паутинки», а в деревнях Оренбуржья, в двадцати отделениях комбината, рождается оренбургский платок ручной работы, слава которого не стареет.

КЛИМАТ 2000 ГОДА

Двадцать четыре виднейших климатолога мира порознь представили свои прогнозы, каким будет климат земного шара через двадцать пять лет. Сейчас эти прогнозы суммированы, и усредненное мнение крупнейших специалистов оказалось следующим. Вероятность катастрофических изменений климата до начала XXI века крайне незначительна. До конца текущего столетия климат скорее всего будет

сходен с тем, какой наблюдался последние сорок лет, с большей возможностью глобального потепления, чем похолодания.

Считается доказанным эффект потепления, вызываемый ростом поступления углекислого газа в атмосферу ввиду интенсивного сжигания человечеством угля, нефти и газа. Однако этот эффект в значительной степени должен уравновеситься похолоданием, которое связано с естественным климатическим циклом. Иначе говоря, если бы не деятельность человека, климат

Земли к началу XXI века скорее всего похолодал бы.

Специалисты не предвидят чрезвычайных засух и «срывов» муссонов. По их мнению, в Индии и других районах Азии все становятся благоприятные для сельского хозяйства условия. Положение африканского района на Сахель, который граничит с Сахарой и в последнее десятилетие пережил беспрецедентную засуху, очевидно, нормализуется.

ЗАПАДНИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ